

ГРУЗИНСКИЙ советский кинематограф обрел признание своим талантом и самобытностью, глубоко правдивым духовным миром героев, народным юмором. И в этом кинематографе фильмы режиссера, народного артиста Грузинской ССР Тенгиза Абуладзе занимают свое особое место. Обращаясь к истокам народной жизни, режиссер размышляет над вечными проблемами бытия, утверждая высокие нравственные принципы, от частного случая идет к философским обобщениям, стремится показать сложную полифонию жизни.

Родная земля. Корни всего сущего и вечного. Дороги и проселки, по которым человек уходит из отчего дома в большой мир и возвращается, чтобы припасть к истокам истинного. В каждом фильме Тенгиза Абуладзе дорога становится одним из главных действующих лиц. Это не современные асфальтированные магистрали, по которым с бешеной скоростью мчатся машины, не популярные туристские маршруты Грузии. Мы видим сельские проселки, псохоженные еще далекими предками. Землю, иссушенную солнцем и размытую дождями, покороженную колесами арбы, истоптанную скотом. Дорогу как символ бесконечности мира, круговращения жизни.

Вот по такой проселочной дороге бредут со своим осликом ребятишки из фильма «Лурджа Магданы». Вспоминается прекрасная сцена прощания на фронте из фильма «Я, бабушка, Илико и Илларион». Ушли на войну призывники, на дороге остались разбросанные музыкальные инструменты. И как будто из глубин земли возникает величественная и скорбная мелодия о войне народной. А несколькими кадрами позже по этой же дороге пройдут влюбленные, они будут смотреть не на землю, а на звезды. В картине «Мольба» навсегда покинет родное селение отступник. Для него горная тропа станет дорогой позора и будет длиться всю жизнь. И никогда не станет путем в отчий дом. Вот фильм «Древо желаний». Женщину, нарушившую обет верности нелюбимому мужу, волокут на осле через всю деревню. Обезумевшие односельчане забрасывают камнями ту, что жила по высшим законам любви. Для этой сельской мадонны грязная дорожная хлябь станет последним клочком родной земли, которую увидит ее затуманенный взор. И другой фильм — «Ожерелье для моей любимой». Улыбающийся мальчишка делает первые шаги в своей жизни. Точно по мягкому ковру ступает он по дороге, уходящей за горизонт, идет навстречу солнцу.

Фильмы Тенгиза Абуладзе всегда неожиданны и самобытны. Он должен нас убедить в своем восприятии истории и современности, которое подчас разрушает наше привычное кинематографическое представление о Грузии, о характере ее народа.

В его фильмах вам не увидеть роскошный курортный рай рекламных проспектов. Здесь другая Грузия. Это суровая, величественная природа, которая веками складывала характеры людей, сдержанных в проявлениях чувств, мужественных, живущих по нравственным законам предков. И прославленное грузинское застолье никогда не становится предметом восхищения режиссера. Это всего лишь деталь быта. Бесшабашные кинто, которыми густо населены грузинские фильмы, не были героями его картин. Каждая картина Абуладзе открывает пласт народной жизни, дотоле нам неизвестный.

Он больше всего противится привычному и узнаваемому. Поэтому и не любит свою картину «Чужие дети». Ибо ситуация, рассказанная в ней, стала в какой-то мере расхожей. Молодая женщина пригрела брошенных ребятишек, осталась с ними, несмотря на то, что отец их, которого она полюбила, ушел к другой. В этой картине еще не усматривается своеобразный почерк режиссера. Он считает фильм издержкой молодости и неопытности. Ведь это его первая полнометражная картина.

При том, что кинематограф Абуладзе самобытен, он во многом традиционен. Режиссер развивает опыт грузинского искусства, обращается к лучшим образцам национальной литературы — Важа Пшавела, Георгий Леонидзе, из современников его заинтересовали Нодар Думбадзе и писатель из Дагестана Абу-Бакар. Направленные его творческие поиски — в русле художнической жизни сегодняшнего советского искусства.

И он не миновал увлечения чудачками, которые стали постоянными персонажами многих грузинских фильмов. Но чудачество его героев не суть характера, а лишь одно из свойств человеческой природы, таящее в себе множество прекрасных качеств. Хотя бы благородные старики Илико и Илларион, которые почти всегда находятся в состоянии ссоры, не прочь устроить друг другу мелкие каверзы. Но когда один из них геряет зрение, другой предлагает ему свой глаз. Горько и радостно — все по-ану.

Чудачки в фильмах Абуладзе перестают быть всего лишь фигурами забавными и умилительными. Так, в картине «Древо желаний» им отводится роль трагикомиче-

люди искусства

КАЖДЫЙ ФИЛЬМ — ДЕЯНИЕ

М. КВАСНЕЦКАЯ

ская, драма этих странных людей заслоняет добрую иронию, юмор, заявленный при первом знакомстве с этими персонажами.

Облик сельской чудачки Фуфалы не может не вызвать смех. Перемазанное белилами лицо, похожее на клоунскую маску. Жалкое «модное» платье, перчатки с продранными пальцами. Комический наряд дополняется зонтиком, вернее, оголенными спицами, на которых болтаются какие-то жалкие лохмотья. Эксцентричность поведения, странность выходки — штрихи к портрету этой необычной женщины. И вдруг сцена, полная боли и жалости. В опустевшем храме Фуфала проигрывает свою воображаемую свадьбу. Становится очевидным, что придуманная жизнь, придуманный маскарад — всего лишь своеобразная защита от жестокой действительности, где нищета и одиночество разрушают человеческую личность. С удивительной нежностью относится Абуладзе к своим героям. Он оставляет им мечту, надежду на чудо. Так, многодетный отец верит в волшебное дерево, которое, по преданию, приносит людям счастье. Доморощенный анархист мечтает о справедливом преобразовании мира, ему слышится подземный гул, предвещающий перемены...

Фильмы Тенгиза Абуладзе очень разные по жанру. Народная комедия «Я, бабушка, Илико и Илларион». Философской притчей можно считать его фильм «Мольба». Близка к традиционной плутовскому роману картина «Ожерелье для моей любимой». В основу фильма «Древо желаний» положены новеллы, вызванные памятью поэта из мира его детства. Но к какому бы литературному материалу ни прикасался режиссер, он всегда утверждает свое собственное мироощущение, свою нравственную позицию в жизни и в искусстве. Это прежде всего вера в силу добра, в изначальную мудрость и высокие моральные принципы народа.

Фильм для Тенгиза Абуладзе всегда поступок. И не потому, что он не делает случайных, «проходных» картин. И другие режиссеры, как правило, увлечены фильмом, над которым работают в данный момент. Дело здесь в другом. Для режиссера каждая картина не просто интересная работа, а определенный жизненный этап, нравственная потребность, художническая необходимость. В наш стремительный век у него достает твердости остановиться в раздумье, не спеша принять единственно верное для него решение, совершить поступок. Лет семь режиссер размышлял о возможности кинематографического воплощения поэтического произведения Георгия Леонидзе, пока не нашел пластического решения для «Древа желаний».

Сегодня, после «Древа желаний», фильма, которым он отдал душу и сердце, режиссер уверяет своих друзей: «Следующая картина будет для меня легкой, сниму ее без особых душевных затрат». Но всем ясно, что это всего лишь фраза. Сейчас Абуладзе задумал картину о современности, отражающую серьезные

нравственные проблемы нашей дней или, может быть, снова появится Важа Пшавела. Мироощущение поэта во многом близко режиссеру, размышления его кажутся важными Абуладзе и сегодня. И, как всегда, впереди трудная дорога к свершению.

Когда вошел кинематограф в жизнь Абуладзе? Быть может, когда они с Резо Чхеидзе написали письмо Эйзенштейну с просьбой взять их на любую работу в кино. Знаменитый мастер посоветовал наивным энтузиастам сначала поступить во ВГИК. И они послушались этого совету. Тогда, в пятидесятых годах, здесь скрестились биографии тех, которых потом стали именовать послевоенным поколением нашего кинематографа. Для Тенгиза Абуладзе кинематограф стал не профессией, не службой, а судьбой. Ведь каждый фильм — частица его жизни, сердца, души. Для того чтобы выразить себя, свое отношение к жизни, ему был нужен именно кинематограф.

Кинематограф философский, поэтический, открывающий духовную сущность народа. Для того чтобы достичь этого, было недостаточно профессиональных навыков, которые преподаются в высшем учебном заведении. Нужно было самому ежедневно, ежечасно заниматься строением своей личности и души, не поддаваясь искушению кинематографического успеха. А он пришел к Абуладзе довольно рано — многими фестивальными наградами отмечены его фильмы, вниманием и доброжелательностью прессы режиссер не обижен. К тому же уважение и почет земляков. Абуладзе сумел сохранить себя в суетном, несколько бестолковом мире кино, смог достойно пройти путь от школяра до мастера.

Наверное, мир художника, который создал его и воссоздан им, следует искать в этих запутанных уллицах старого Тбилиси, где еще, кажется, царит дух неприкаянного Пиросмани. Кстаги, Абуладзе хотел снять о нем фильм, он написал даже сценарий. Или это таинственная жизнь театра, которую ему открыл в юности Георгий Товстоногов. А, быть может, вернее будет вспомнить прекрасные традиции тифлисской интеллигенции, жадно вбирившей передовой опыт русской культуры. И, конечно, это война, ставшая точкой отсчета для его поколения. Процесс духовного совершенствования продолжается и сегодня. Круг интересов режиссера очень обширен — от последних литературных новинок до серьезных трудов в области философии, психологии...

...Недавно он был в Москве, как всегда, в обществе своих друзей и единомышленников. Вернулся из зарубежной поездки, впереди новые встречи. Но главное — в Тбилиси, где ждут ученики, дела на киностудии, как всегда, трудная работа над новым фильмом. Каким он станет, этот новый фильм, пока предсказать трудно. Одно можно сказать с уверенностью: это будет честный и умный фильм. Такова формула таланта этого художника.

● Народный артист Грузинской ССР Т. Абуладзе.